

Европа в Средние века. Быт, религия, культура

Автор:

[Марджори Роулинг](#)

Европа в Средние века. Быт, религия, культура

Марджори Роулинг

Средние века – время формирования ценностей и идеалов европейской цивилизации. Вы узнаете о повседневной жизни людей Западной Европы в эпоху феодализма. Как вела хозяйство жена феодала, во что верили рыцари и как соблюдали они свои сложные обеты. Вы познакомитесь с бытом врачей, монахов, ученых и ремесленников, истово соблюдавших культ Девы Марии. Узнаете о торжественных обрядах, ритуалах и праздниках.

Марджори Роулинг

Европа в Средние века. Быт, религия, культура

Глава 1

Карл Великий и средневековое общество

В 814 году н. э. во дворце, построенном им в Аахене, умер император Карл Великий. Вскоре после этого монах одного из монастырей Италии так выразил чувство страха и потери, «которое испытали франки, романцы и весь христианский мир, узнав о смерти столь великого воина и правителя»: «О горе мне! Мы скорбим и пребываем в вечном трауре... Франкия, которая прошла в своей истории через самые страшные катастрофы, никогда не погружалась в

такую скорбь, как тогда, когда провожала в последний путь августейшего и самого великого из королей Карла». Карл Великий скоро стал легендой и встал в один ряд с такими великими героями, как Авраам и Цезарь, и занял свое место среди Девяти Воинов, столь глубоко почитаемых в Средние века. Однако великий император, окруженный искусственным романтическим ореолом, не теряет своего величия и под пронзительным, безжалостным взглядом истории. В истории он остался человеком, заложившим основы развития Европы в Средние века, хотя, конечно, некоторые сооружения, возведенные на этом фундаменте, в какой-то момент были разрушены.

Рис. 1. Европа в эпоху Первого крестового похода в 1095 году

Деяния и идеи Карла Великого (по крайней мере отчасти) нашли свое отражение буквально во всех сторонах жизни Средневековья – территориальном делении, образовании, политике, духовной и общественной жизни. Действительно, перемены, которые он внес в жизнь государства, позволяют нам с полным правом говорить об этой эпохе как о «веке Карла Великого», поскольку он не только хотя бы на время навел порядок в наполовину еще варварской Европе, но и возродил идеал поздней Римской империи, а именно – христианского общества. Он всячески поощрял сохранение древнего классического наследия, развитие образования и реформу церкви, создание монастырских и церковных школ, а заодно ввел в обращение монеты – фунты, шиллинги и пенсы, – которые до сих пор (то есть до 1968 года) имеют хождение в Великобритании. Помимо этого, развитые Карлом Великим взаимоотношения между господином и повинующимся вкупе с системой землевладения, которая клятвой верности связывала навсегда вассала с его господином, легли в основу более поздних феодальных отношений общества. Наконец, подвиги и сама личность Карла Великого не только произвели огромное впечатление на его современников, но и стали объектом поклонения в более поздние века. Имя Карла Великого будоражит ум и будит воображение людей и сейчас, более одиннадцати веков спустя.

Рис. 2. Статуя предположительно Карла Великого

Что же это был за человек? Безусловно, не безгрешный и не святой, но такой же страстный, полный жизни и даже жестокий, как и большинство его современников, он соблюдал все внешние обряды и ритуалы церкви, однако большой глубины в его вере, пожалуй, не было. Его главным капиталом – и, возможно, залогом успеха – была неукротимая энергия и упорство, с которым он доводил до конца любое свое начинание. Со слов его секретаря и друга Эйнхарда, знавшего Карла как никто другой, известно, что Карл был «высоким, хорошо сложенным мужчиной с большими пронзительными глазами. Как у многих великих людей, у него был большой нос. В конце жизни волосы его поседели, но остались такими же густыми, как в молодости. Его манеры были поистине царственными и одновременно располагающими к себе. Всегда и во всем он сохранял властность и достоинство».

Карл сохранял физическую силу и бодрость до самого конца своей долгой жизни. Он уделял много времени физическим упражнениям, обожал охоту, любил плавать и купаться в горячих источниках, бивших возле его дворца в Аахене. Несмотря на то что он был варваром и воином, он имел острый ум и талант к наукам. Посещал лекции по грамматике, которые читал Петр Пизанский, знаменитый ученый и педагог, привезенный к его двору из Ломбардии. Остальные науки ему преподавал Алкуин Нортумбрийский. Однако грамоте Карл так и не научился, и это – несмотря на часы усердных занятий по ночам (король страдал бессонницей). В отличие от своих детей и придворных он не мог похвастаться изысканными манерами, но одет был всегда в соответствии со случаем и обстоятельствами. В праздничные и торжественные дни его голову венчала золотая, украшенная драгоценностями корона, он щеголял в позолоченных башмаках и в роскошном костюме, поверх которого был наброшен расшитый золотом плащ. Однако в будни его костюм мало чем отличался от одежды простых людей. Он предпочитал накидки из шкур животных. В то время представители высшего сословия франков любили богатую, яркую одежду. А наряды дочерей Карла, которые были известны своей красотой, вообще поражали воображение своей роскошью. Его приближенные также, как правило, появлялись при дворе в золоченых башмаках на шнуровке, богато вышитых штанах из тончайшего льна, завязывавшихся под коленями пурпурными лентами. Вышитые льняные рубашки и белая или голубая накидка, разрезанная на два квадрата по бокам, застегивавшаяся на плечах, схваченная поясом на талии и доходившая до щиколоток спереди и сзади, дополняли костюм.

Один из рассказов Эйнхарда только подтверждает тот факт, что Карл был весьма здравомыслящим человеком (во всяком случае, в том, что касалось одежды) и обладал хорошо развитым чувством юмора. Однажды он пришел на мессу в самой простой одежде и наброшенной сверху овечьей шкуре: день был холодный и дождливый. Его придворные только что вернулись из Парижа, где были на ярмарке, куда «венецианские купцы привезли все богатство Востока из своих заморских территорий». Накупив кучу роскошной одежды и украшений, они пришли на мессу, «шурша платьями, сшитыми из шелка и тафты, а также перьями фазанов и павлинов, которыми они украсились. Красные и ярко-желтые банты, накидки и шлейфы дополняли картину».

Король, недобро усмехнувшись, вдруг сказал: «А не отправиться ли нам на охоту... прямо сейчас, вот в этой самой одежде». Придворным ничего не оставалось, как только подчиниться. Они продирались через заросли и, естественно, порвали свои наряды о ветки и колючки; они промокли до костей и испачкались в крови диких животных. И вот в таком виде они вернулись домой.

После чего Карл повелел им: «Пусть никто из вас не станет переодеваться в чистую одежду до отхода ко сну. Так все высохнет гораздо быстрее».

На следующий день Карл сказал своему слуге: «Почисти мою шкуру и принеси ее мне». Тот так и сделал: она была по-прежнему белая и без единой дырки. Увидев, в каком виде появились его приближенные, король сказал: «Глупейшие из смертных! Так какая же одежда более ценна и полезна – моя, купленная за один серебряный, или ваша, за которую заплачено много фунтов?»

Придворные опустили глаза вниз, не вынеся его усмешки и «пронзительного взгляда».

Слуга-камердинер, упомянутый в этом рассказе, был одним из целой армии людей, которые управляли всеми делами во дворце Карла и следили за хозяйством. Он не только следил за гардеробом короля, он был еще и главным казначеем. Дворцовый администратор прежде всего выступал как судья и председательствовал на заседаниях суда, когда Карл не мог сделать этого. Он также выступал в качестве посла, генерала и во множестве других ипостасей. В обязанности квартирмейстера входило обеспечение ночлега для Карла и его придворных во время многочисленных путешествий, а когда Карл находился в своих покоях, он должен был готовить комнаты для гостей во дворце. Королевский стол находился в ведении сенешаля, констебль заведовал

королевской конюшней, а четверо ловчих организовывали королевскую охоту. Сотня более мелких придворных включала в себя главного привратника, ключника, сокольничего и других.

Рис. 3. Эфес меча Карла Великого

Рис. 4. Рог, традиционно связываемый с именем Роланда

Большую часть жизни король проводил отнюдь не во дворцах. Он был настоящим воином, и, чтобы по заслугам оценить его свершения и понять, какие изменения внесли в жизнь Европы он сам, его отец Пипин и дед Карл Мартелл, мы должны взглянуть на карту той Европы, какой увидел ее Карл Великий, когда стал королем франков. В Испании господствовали арабы. Именно дед Карла Великого остановил их продвижение на север, разбив в 732 году под Пуатье. Если бы он тогда не одержал победу, ничто не остановило бы мусульман от похода на Рейн. Пипин, отец Карла, нанес арабам, остававшимся на севере от Пиренеев, еще один удар в битве на юге Аквитании. Тем самым он начал движение, которое в конечном итоге вытеснило мавров из Испании. Тем не менее армия Карла потерпела поражение от басков при Ронсевале. Это поражение, правда, было следствием измены. Та битва легла в основу множества легенд, ставших позднее известными как «Песнь о Роланде»: так звали близкого друга и соратника Карла Великого, который погиб при Ронсевале. Это романтическое произведение будоражило умы и воображение читателей в поздние Средние века. В битве при Гастингсе в 1066 году рыцари атаковали армию норманнов, декламируя строки из этой поэмы. К XII веку рог Роланда и меч Карла Великого стали ценнейшими реликвиями – объектами поклонения сотен и сотен пилигримов.

Самую упорную борьбу Карлу Великому пришлось вести против саксов. Саксы были язычниками, религия которых подразумевала совершение жестоких кровавых ритуалов. Вместе с фризийцами – племенем крестьян, моряков и

торговцев – они жили за Рейном к северу и востоку от Франкского государства. Вдохновленный призывами церкви, Карл считал свою кампанию против саксов не только завоевательной войной, но и крестовым походом: вместе с франками к саксам шло христианство. Целью Карла было объединить земли под своим владычеством, обезопасить границы и истребить язычество, чтобы создать великую империю, объединенную христианской верой. Именно по этой причине он уничтожил статую Арминия – символ могущества сакских богов, поскольку, по мнению саксов, именно этот бог держал на своих руках небесный свод. И саксы никогда не простили Карлу ни этого святотатства, ни насильственного крещения. В результате жизнь на землях саксов, да и на прилегающих к ним франкских территориях, была полна опасностей. Стоило Карлу удалиться от земель саксов на некоторое расстояние, как те восставали. При этом они жгли все подряд: церкви, монастыри, поселения торговцев и деревни простых франков. Это повторялось много раз. Все же, несмотря на это, к концу своей долгой жизни Карлу Великому удалось подчинить Ломбардию и Саксонию, установить и укрепить владычество франков над Баварией и Южной Галлией, вытеснить аваров со среднего течения Дуная. К тому же ему удалось присоединить к своей империи большую часть Италии и Испании.

Чтобы совершить все это, Карлу нужны были люди, на которых он мог положиться. Поэтому со своих подданных он брал клятву верности. Дело в том, что верность клятве считалась среди варваров одной из высших добродетелей. После восстаний 786-го и 792 годов Карл издал указ, в соответствии с которым все подданные (мужчины) должны были еще раз принести клятву вассальной верности перед представителем короля. В каждом большом городе Франкского государства, на всех завоеванных территориях потоки людей направлялись в ближайшую церковь, чтобы там над гробницей местного святого публично поклясться в верности королю Карлу. До нас дошли слова этой клятвы:

«Клянусь, что с этого дня я буду преданнейшим слугой нашего благочестивого императора, моего господина Карла, сына короля Пипина и королевы Берты. Я буду служить ему верой и правдой, не тая в сердце ни измены, ни злого умысла, на благо его царства, как и положено делать слуге по отношению к своему господину и повелителю. Да помогут мне Господь и святые, чьи останки лежат здесь передо мной; до конца своей жизни я буду посвящать себя служению своему господину со всем умением и силами, которые Господь даровал мне».

Рис. 5. Солдаты эпохи Каролингов

Более узкий круг подданных связывал себя еще более жесткой клятвой – клятвой вассала. Обет вассальной верности постепенно стал значить гораздо больше, чем простая клятва. Когда во время Крестовых походов один из архиепископов подвешивал предводителя мусульман за ребро, христиане в восторге кричали: «Он поступает как настоящий вассал короля!» Так и в «Песне о Роланде» говорится:

Язычник тот, Бланкадрий, был умен,

И клятву вассала он сразу принес,

А позже, как истинный рыцарь,

Был рядом с своим господином.

Как правило, король награждал вассала за верную службу очень щедро, даря ему землю. Именно отсюда взял свое начало класс крупных землевладельцев. Здесь мы видим начальные черты той особой организации, которая позже стала доминирующей в феодальном обществе. Богатство и власть стали синонимами владения землей. В своем поместье землевладелец (он же зачастую настоятель монастыря) стоял на верхней ступени иерархии арендаторов земли. В этот период беспрестанных войн и голода служба в обмен на защиту и покровительство стала краеугольным камнем общества. На самой вершине этой пирамиды был король, который собирал в год две ассамблеи, на которых присутствовали дворяне и высшее духовенство. Если задумывалась военная кампания, то всем военнообязанным надлежало прибыть на сборы со своей долей войска, полностью экипированной, и с необходимым запасом еды и одежды.

В письме Карла к аббату Фульраду говорится о военном поезде этого церковника-землевладельца, выступившем на «майское поле» (это имя носила весенняя ассамблея). Аббату было приказано прибыть «со всеми своими людьми в полной экипировке, чтобы быть готовым в любой момент выступить в любом направлении по нашему приказу, то есть с оружием, доспехами и припасами (едой и одеждой). У каждого всадника должен быть щит, латы, меч, копье, лук, колчан со стрелами, а в повозке должны быть... топоры, лопаты, доски и другие предметы обихода, необходимые в любой армии. В провиантских повозках

должен находиться запас продовольствия на три месяца, а также запас оружия и одежды на шесть месяцев».

Все без исключения были обязаны служить в войске либо обеспечивать его живой силой и провизией. Неспособность сделать это влекла за собой штраф в 60 солидов. Штраф был настолько велик, что делал воинскую службу практически обязательной. Один из капитуляриев (декретов) Карла касался именно воинской повинности.

«Каждый свободный человек, владеющий четырьмя мансами (один манс равнялся примерно 135 акрам) или имеющий их в качестве бенефиции от кого-либо, должен обеспечить себя всем необходимым и идти воевать со своим господином либо с его господином.

Тот, у которого есть три манса, объединится с человеком, владеющим одним мансом, и поможет ему так, чтобы он служил за двоих.

Четыре человека, имеющие по одному мансу, должны всячески помогать тому из них, кто один пойдет в армию».

От внимания Карла не ускользал ни один аспект управления государством, поэтому его капитулярии (декреты) касались самых разнообразных вопросов – от управления монастырями и выдачи грабителей из их убежищ до обеспечения безопасности путешественников, спасения крестьян, умирающих от голода, и обучения девочек-сирот почтенными матронами под руководством духовенства. Карл выработал положения, касающиеся этих и сотен других вопросов – светских, духовных, политических, общественных и правовых.

Однако капитулярии, известные под названием «девиллей» (De Villes), были наиболее подробными и обязательными для исполнения. Они были своеобразным «руководством к действию» для управляющих королевскими угодьями. В отчете, который управляющие должны были сдавать каждое Рождество, следовало указать все принадлежащее королю имущество, вплоть до последнего гвоздя, яйца или дощечки. В период правления Каролингов все угодья делились на сеньориальные земли и данники (то есть земли, с которых взималась дань). Первые, получившие при более поздней манориальной системе название земельной собственности, несдаваемой в аренду (или поместий), находились под непосредственным управлением короля, землевладельца

(феодала) или аббата (настоятеля монастыря), если земли были церковными.

Королевские владения были многочисленны. Все производимое или выращиваемое на этих землях было самого лучшего качества, будь то лошади, скот, фрукты, овощи, цветы или декоративные птицы вроде фазанов, поскольку Карл своим указом повелел: «Угодья, которые мы выделили для нашего собственного пользования, должны целиком удовлетворять только наши нужды, а не кого-либо другого.

Следует тщательнейшим образом следить, чтобы все, производимое руками: бекон, копченое мясо, колбаса, солонина, вино, уксус, горчица, сыр, масло, солод, пиво, медовуха, мед, воск, мука – изготавливалось чистыми руками и в чистом помещении...

Во всех наших поместьях в жилых помещениях должны быть стеганные покрывала, подушки, постельное белье, скатерти и накидки для скамеек».

Любое поместье было полностью автономным, поскольку каждый управляющий должен был иметь в нем «кузнеца, золотых и серебряных дел мастера, башмачников, гончаров, плотников, оружейников, рыбаков, маслоделов, мыловаров, пивоваров и других специалистов по производству различных напитков, хлебопеков, мастеров по плетению сетей для ловли рыбы и охоты на дичь и других работников».

Также предписывалось, что жилища работниц должны быть оснащены прочными ставнями, болтами и засовами. В домах должны были быть очаги и погребца, чтобы женщины могли качественно готовить еду. Управляющий должен был обеспечивать все необходимое сырье: «лен, шерсть, вайду, киноварь, марену, скребницы, ворсовальные шишки, мыло, жир и всю необходимую утварь».

Точно так же управлялись угодья монастыря Сен-Жермен-де-Пре, что недалеко от Парижа. В начале IX века из 278 домовладельцев, поименованных в двух реестрах настоятеля монастыря, только двадцать пять были рабами. Четыре века спустя рабов не было вообще, однако почти все крестьяне, за исключением нескольких, стали крепостными. При Карле Великом работники были преимущественно свободными, однако вид и размер услуг, денежных выплат и арендной платы, поставляемых ими землевладельцу, зависели от статуса каждого отдельно взятого работника.

Одного из арендаторов земли аббата звали Фрамбер. Он жил в маленьком деревянном домике, стоявшем в группе таких же убогих строений. В определенное время года вместе с другими арендаторами он должен был вспахать определенное количество сеньоральных земель аббата. Помимо этого управляющий мог в страду вызвать его на дополнительные работы. Позднее этот вид работ получил название поденной и «даровой» работ. Фрамбер и другие арендаторы выполняли и иные виды работы: рубили лес, пилили дрова, чинили амбары и заборы. Помимо этого Фрамбер должен был платить за предоставленные ему привилегии: он поставлял аббату телегу дров за собранный в лесу хворост, бочку вина – за право пасти овец в том же лесу и т. д. Каждый арендатор должен был выплачивать налог на содержание войска, часть которого, в свою очередь, собирал с субарендаторов. Размер налога составлял один или два серебряных – или их эквивалент: бык или две овцы. И это – помимо обязательной военной службы. Кроме того, Фрамбер должен был поставлять монастырю определенное количество зерна, вина, масла, кур или яиц. Удивительно, откуда у него брались время и силы, чтобы обрабатывать собственный клочок земли и ухаживать за своими виноградниками.

Жена Фрамбера работала ничуть не меньше его. Ей надо было смотреть за детьми, кормить птицу, собирать яйца, пасти свиней, ткать, шить, красить ткань для плащей и туник, которые носили мужчины, а также для длинных, перехваченных поясом платьев для себя и дочерей. Тем не менее даже у крестьян были свои праздники и выходные. Они появились благодаря церкви, и Карл Великий издал закон, по которому воскресенье назначалось днем отдыха. В 827 году сын Карла Великого подтвердил право на выходной день: «Следуя слову Господа, мы повелеваем... что по воскресеньям не выполняются никакие низкие работы: пахота, уборка зерна, молотьба, работа в карьерах и строительство домов. Не должен также человек работать в саду, ходить в суд или охотиться. Однако в воскресенье разрешается двигаться к войску, возить еду либо (при необходимости) сопровождать тело господина к могиле. Женщины не должны ткать и шить одежду, прясть шерсть, изготавливать пеньку, принародно стирать белье или стричь овец; в этот день они могут отдыхать. Но повелеваем им всем собираться на мессу в церковь».

И все же иногда, в праздники, Фрамбер и его товарищи навлекали на себя осуждение церкви. Они любили петь и танцевать, и их веселье и развлечения часто граничили с бесстыдством и святотатством; их песни были грубыми и иногда богохульными – как наследие языческих времен. Да и плясали они иногда не только в церковном дворе, но и в самой церкви, даже когда шла служба. В одной епархии священник запретил танцы в церкви по церковным

праздникам. Но в другом приходе «некоторые молодые люди имели привычку въезжать в церковь на деревянных лошадках и плясать в масках и «маскарадных» костюмах. Один молодой человек отказался прекратить эту забаву. Когда он однажды ворвался на своем деревянном коне в церковь, где вся паства была погружена в молитву, на самом пороге церкви его охватило и поглотило пламя».

Но конечно, не танцы были самым страшным из прегрешений, ведь в некоторых местах население по-прежнему практиковало жертвоприношения. Особенно это касалось тех регионов, которые, как Саксония, были завоеваны совсем недавно и где население насильно обратили в христианство. Священники жаловались, что везде из народных песен торчали «дьявольские рога». Тем не менее Фрамбер и подобные ему находили себе и более безобидные развлечения. Были весьма популярны пивные, особенно когда туда заходили странствующие менестрели, которые развлекали публику песнями и балладами о подвигах франкских героев. (Сам Карл Великий с большим удовольствием слушал эти баллады и имел тексты многих легенд варваров и даже древних сказаний, чтобы иметь возможность на досуге освежить их в памяти.)

Однако Фрамбер и люди, жившие в относительной близости от Парижа, всегда с нетерпением ждали приближения главного месяца в году. Это было время ежегодной большой ярмарки Сен-Дени, которая проходила у внешних ворот города в течение всего октября, «чтобы все купцы из Италии, Испании, Прованса и других стран могли посетить ее».

В одном из наставлений своим управляющим Карл Великий повелевал им всячески препятствовать «посещению его работниками всяческих ярмарок и рынков».

Рис. 6. Сбор урожая

Рис. 7. Танцовщик и жонглер

Однако Фрамбер и ему подобные умудрялись ускользнуть от зоркого взора управляющего и отправиться с женами и детьми в Париж, где могли потратить свою серебряную монетку, заработанную тяжелым трудом, на развлечения на ярмарке в Сен-Дени (рис. 21).

Они с восторгом взирали на прилавки с венецианскими товарами, на горы фазаньих перьев, на богатые шелка и тонко выделанную кожу. Дети с жадностью глядели на игрушечных обезьянок и горы сладостей, сделанных в виде поросят и котят. Однако больше всего крестьян забавлял фокусник, который глотал огонь или шпагу, веселые шутки клоунов и жонглеров и неуклюжие «танцы» голодного и неопрятного медведя. В конце дня Фрамбер с друзьями направлялись домой, чтобы на следующий день вернуться к утомительному труду. Один раннеевропейский писатель спросил бедного пахаря: «Твоя работа очень тяжела?» – «Да, – ответил он, – очень тяжела». С этими словами, без сомнения, согласились бы все средневековые Фрамберы.

Однако не только крестьяне имели основания жаловаться на тяжелую долю в королевстве Карла. Ведь король не только старался истребить язычество на границах, он еще и вел постоянную борьбу с невежеством в своих владениях – к огорчению, без сомнения, многих церковников и монахов, которые часто были плохо или вообще необразованны.

В своем знаменитом письме к аббату Баугульфу король писал: «Жизненно необходимо, чтобы монастыри и епископства не только совершенствовали монастырскую жизнь, но и проявляли рвение в изучении культуры письма...

Тем не менее последнее время, когда мы получали письма из монастырей с сообщениями о том, что их обитатели от нашего имени возносили молитвы Господу, мы заметили, что в большинстве писем правильные мысли были выражены весьма неуклюжим слогом; мысли, рожденные благочестием и верой, излагались необразованным, невежественным языком: то, что вера диктовала уму, язык, пренебрегавший учебой, был не в состоянии выразить без ошибок...

Поэтому мы призываем вас не пренебрегать изучением письма. Для этой работы должны быть отобраны такие люди, у которых есть желание и способность учить, а также стремление быть примером другим. И пусть они это делают с тем же рвением, с каким мы пишем этот указ».

В 780-х годах Карл пригласил к своему двору многочисленных ученых, в которых сочеталась ученость и желание учить других. С их помощью он организовал во дворце школу, где учились его сыновья и другие молодые люди. Примерно в 782 году эту школу возглавили Павел Дьякон и его коллеги. Среди них были теолог Паулиний Аквилейский и грамматист Петр Пизанский. Однако с 782-го по 796 год вдохновителем и главным идеологом этой школы был Алкуин из Нортумбрии – талантливый ученый и писатель из Англии.

Он преимущественно обучал через диалоги. В одном из таких диалогов молодой принц Пипин задает вопросы, а Алкуин отвечает на них.

П и п и н. Что есть жизнь?

А л к у и н. Радость для благословенных, печаль для грешников, ожидание смерти.

П и п и н. Что есть смерть?

А л к у и н. Неизбежное событие, путешествие без цели, слезы живущих, утверждение Завета, кража человека.

В Средние века разгадывание головоломок использовалось и как форма обучения для тренировки ума, и как развлечение. В следующем диалоге Алкуин ставит перед Пипином задачу.

А л к у и н. Поскольку вы – человек с хорошими способностями и природными талантами, я загадаю вам несколько загадок.

Я видел, как мертвое рождает живое, а затем мертвое уничтожается дыханием живого.

П и п и н. Если потереть друг о друга две палки, разгорится огонь, который сжигает их.

Диалоги, в которых принимал участие сам Карл, обычно носили более глубокий характер.

К а р л. Раскрой мне природу справедливости.

А л к у и н. Справедливость – это состояние ума, которое определяет истинную ценность каждой вещи. В ней сохраняются культ божественного, права человечества и состояние равновесия жизни.

К а р л. Расскажи мне о ее составных частях.

И Алкуин делает это.

Во многих школах эпохи Каролингов учащиеся специализировались на чтении либо на пении или на письме. В результате некоторые школы становились известны своей музыкой или высоким качеством книг, которые в них переписывали. Школа в Метце отличалась первым, а школы в Туре, Флери и Лионе – искусством каллиграфии. Хотя в королевстве Карла не было глубоко разработанной системы начального образования, тем не менее отдельные епископы, по призыву короля, организовывали в своих епархиях сельские школы. Любой христианин мог отправить детей в такую школу, где их бесплатно обучал грамоте местный священник. После смерти Карла, в тот ужасный период, когда созданная им империя распалась на множество частей, эти очаги образования постепенно потухли. Однако в церковных и монастырских школах искры просвещения продолжали тлеть. Любовь к книгам, столь усиленно пропагандируемая Карлом, также не исчезла с его смертью. В любом монастыре сохранились условия для переписывания рукописных манускриптов. При Карле в крупных монастырях работало столько писцов, что их скриптории могли выпускать книги в количестве, достаточном не только для собственных библиотек, но и для других монастырей. Библиотечные списки и дошедшие до нас рукописные тексты свидетельствуют, что при Каролингах собрания книг включали в себя большое количество рукописей как христианского, так и языческого содержания.

В одну из своих поэм Алкуин включил краткое описание книг, хранившихся в кафедральной библиотеке в Йорке. Среди этих книг были не только

произведения Отцов Церкви и поэмы христианских писателей, но также работы языческих авторов: поэтические сочинения Вергилия, Стация и Лукана, отрывки из прозы Цицерона, Плиния Старшего, Аристотеля и Помпея Мавра, африканца, который в XI веке написал комментарии к грамматике Доната.

Во Франции IX века богатыми собраниями книг могли похвастаться библиотеки Корби, Тура и Лиона. Многие книги, ранее находившиеся в Корби, позже попали в Сен-Жермен и теперь находятся в Национальной библиотеке Парижа. В кафедральной библиотеке Лиона также сохранилось несколько древних манускриптов.

В VIII и IX веках появлялись библиотеки на территории нынешних Германии и Швейцарии. Из-под руки писцов Кельна и Майнца вышли рукописи, сохранившиеся до наших дней. В Вюрцбурге также можно видеть манускрипты, созданные или собранные первыми христианскими монахами. В каталоге знаменитой библиотеки Лорша в Гессе значатся почти 600 работ как религиозного, так и классического содержания. Среди них труды по грамматике, риторике и метрике, которые использовались учителями монастырской школы.

Из примечания, сделанного Винитарием, монахом монастыря Святого Галена, что в Швейцарии, видно, каких усилий и затрат стоило создание рукописных книг. Он лично создал шесть манускриптов (целиком или частично) и в конце одного из них написал следующее:

«Здесь заканчивается книга, которую переписал Винитарий, грешник и священник, незаслуженно благословенный. С Божьей помощью он собственноручно завершил эту работу; в ней нет ни одной страницы, к которой он не приложил бы своих усилий, покупая или прося милостыню, и нет ни одной строчки, к которой он не приложил бы своей руки».

Созданные с такими усилиями манускрипты были ценным приобретением, и во многих мы видим строки, в которых содержится призыв к обладателям относиться к ним с великой аккуратностью, а также проклятия ворам, которые посягнут на них. В списке IX века работы Ювеналия мы находим призыв к силам небесным покарать всякого, кто поднимет руку на этот манускрипт.

Еще один писец в более сдержанных выражениях умолял читателя «переворачивать страницы со всей осторожностью, мыть руки перед тем, как

взять книгу, и не класть ее к себе на колени». Именно усилиям монахов и ученых так называемых «темных веков» мы обязаны тем, что до нас дошли эти бесценные шедевры.

Рис. 8. Реконструкция дворца Карла Великого в Аахене

В эпоху Карла Великого развивались и другие виды искусства, в особенности – архитектура. В Ингельхайме и Аахене были построены огромные дворцы, однако Карл направил всю свою страсть, деньги и таланты на строительство церквей. Красивейшей из них была базилика Девы Марии в Аахене. Массивного вида, с совершенными пропорциями, украшенная великолепными колоннами, мрамором и мозаикой, она стала одним из прекраснейших произведений архитектуры западного христианского мира. Ее канделябры были отделаны золотом и серебром, многочисленные двери и перила – сверкающей латуной, купола крыши – чистым золотом.

Фрагмент этого сооружения сохранился в современном здании базилики. Восьмиугольник, похожий на церковь Сен-Витале в Равенне, 50 футов в диаметре и окруженный шестнадцатисторонней галереей, увенчанный куполом, – этот собор до сих пор считается одним из наиболее примечательных памятников ранней христианской архитектуры. Часть сводов, верхняя галерея и мраморные и гранитные колонны относятся к эпохе Карла Великого. Там же находится каменный императорский трон, который был обнаружен германским императором Оттоном III и который для королей Западной Европы стал символом империи и королевского величия. Первоначально базилика была соединена с королевским дворцом галереей, на которой возвышалась конная статуя Теодориха, привезенная из Равенны. На одном из рисунков древнего манускрипта, принадлежавшего руке самого Карла, мы видим его самого в королевской мантии и короне, держащего миниатюрную модель базилики и башни Девы Марии с бронзовым орлом, распростершим свои крылья над прилегающим дворцом.

Церковь Святого Рикера была построена под непосредственным руководством Карла. На ее возведение он и его семья, а также крупнейшие землевладельцы

пожертвовали огромное количество золота и серебра на алтари, золотые и серебряные диски, потиры, церковные чаши, кресты и сотни богато украшенных одеяний священнослужителей. И дворцы, и церкви отличались пышным убранством, настенными росписями, бронзовыми колоннами и балюстрадами, выполненные в отличном вкусе.

Одновременно с расцветом архитектуры шло развитие книжной миниатюры. Новые художники (зачастую прибывшие из Византии) привнесли в это искусство абсолютно новые идеи. Одна из книг Завета, выполненная ими, до сих пор находится в Аахене. Страница, на которой четыре евангелиста составляют свои писания в окружении гор и застывших деревьев на фоне закатного неба, является удивительным произведением искусства.

Однако надежда на дальнейшее развитие искусства и культуры, а также укрепление христианской империи была недолгой: ее прервала не только смерть Карла, но и новые набеги сарацин с юга, скандинавов с севера и венгров с востока. В течение следующих полутора веков европейская христианская цивилизация должна была бороться за свое существование.

Глава 2

Феодалы и вассалы

Примерно через полвека после смерти Карла Великого его империя по Мерсенскому договору 870 года оказалась разделенной на три части. Из этих трех королевств (Восточно-Франкского, Западно-Франкского и Итальянского) позднее возникли мощные современные государства (см. карту). Однако в течение многих веков ни одному правителю не удавалось обрести достаточно сильную власть, которая могла бы оказать сопротивление новым набегам варваров или обуздать междоусобные распри внутри страны. Фактически именно они – графы, епископы и другие крупные землевладельцы – строили мощные крепости, из которых отражали вторжения на свои земли или вели войны против соседей. Для этого у них были собственные армии, собранные из многочисленных вассалов, которые были готовы прийти под их знамена по первому требованию.

Рис. 9. Символическое изображение обряда принесения вассальской клятвы

На рисунке XIV века (рис. 9) мы видим одного из таких вассалов или арендаторов феодала с пятью руками. Две его руки, сложенные вместе, вложены в руки сидящего перед ним господина. Еще одна рука, указывающая на него самого, означает, что он – «человек» своего господина. Двумя оставшимися руками он указывает на хлебное поле, символизирующее его «лот», или землю, за пользование которой он в присутствии двора отдает себя в вассальную зависимость от хозяина. Это был своеобразный обряд, посредством которого человек объявлял, что он стал «человеком» другого. Эта церемония – оммаж – была одним из самых важных обрядов, совершаемых в период, когда в Европе процветали феодальные отношения. Истоки этого обряда частично можно обнаружить у поздних римлян и германцев, когда люди отдавали себя под защиту и покровительство человека более сильного и богатого, чем они сами. В IX веке мы видим, как такой человек, оставшийся без средств к существованию, обращается к некоему могущественному господину:

«Поскольку всем без исключения известно, что я не в состоянии прокормить и обеспечить себя одеждой, я воззвал к вашему состраданию, и вы великодушно дали мне дозволение отдать себя под вашу власть и покровительство... вы обязались защищать меня и обеспечивать меня едой и одеждой, а я обязался служить вам по мере сил моих. И пока я жив, я обязан служить вам и уважать вас, как это положено любому свободному человеку, и в течение всей своей жизни я не имею права уйти из-под вашей власти и покровительства, но, напротив, обязуюсь до конца своих дней оставаться под таковыми.

И если один из нас пожелает изменить положения этого договора, он может сделать это, уплатив другому штраф в 10 солидов. Однако сам договор останется в силе. И поскольку этот договор кажется нам справедливым, то мы изложим его в письменном виде в двух экземплярах и скрепим своими подписями. И так тому и быть».

Обязательства, подобные этому, были введены в практику еще до VIII века, однако коммендация и другие феодальные институты получили свое самое полное развитие между X и XIII веками. Но даже и тогда эти институты были

различными в разных частях Европы, а хозяйства и землевладения, свободные от всех арендных плат и обязательств, были разбросаны среди феодальных поместий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rouling_mardzhori/evropa-v-srednie-veka-byt-religiya-kul-tura

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)